

В нашем окружении никого не осталось. Все друзья и знакомые уехали вживлять чипы. Кто в Индию, кто на Ямак, кто в Мексику. С вещами расставались легко – в ожидании перемен, новой жизни, новых мест и впечатлений. Мы знали, что никогда не увидимся, но источник этого знания был нам неизвестен. И грусти никто не испытывал. Надо значит надо.

Андрей всё тянул, доделывал проекты. Да и я не торопилась. Сидя на полу, часами рассматривала фотографии, значки, письма, календарики и монеты.

Ноябрь был бесснежным и солнечным. Прохожих почти не встречалось. Продавщицы вздрагивали от звона колокольчика – так редко покупатели приходили к ним. Да и есть почти не хотелось.

Хотелось запомнить этот день, и ещё вчерашний, и, может быть, завтрашний. Может, ещё удастся увидеть снег или лёд на луже. Или ребёнка с красными щеками и мокрыми варежками на резинках. И чтоб он лепил снежную бабу, а сумерки подкрадывались со всех сторон. И старая песня, забывтая, но очень знакомая, в ушах.

Но детей я не встречала на улицах уже много дней. Да и взрослые сторонились друг друга. Если кто-то шёл мне навстречу, то ещё издали, увидев меня, переходил на другую сторону. Да и я делала так же. А почему – не знаю.

Однажды в начале осени я встретила собаку. Обычную, грязно-чёрного окраса, с блестящими живыми глазами. Собаки исчезли, как и дети, давным-давно. Тем удивительнее было её появление. Я наклонилась, чтоб погладить псину, но рука моя прошла сквозь мех, сквозь шкуру и туловище насквозь.

Нам было предписано явиться на остров Косак, и хмурым ноябрьским утром мы сидели в маленьком самолёте международной авиакомпании «Эйрлайн». Пассажиров с нами летело немного, в основном супружеские пары.

Остров оказался маленьким тропическим парком с небольшим аэропортом в северо-восточной части. Экзотические птицы, бугенвиллея, ароматы мускуса и незнакомых цветов... Это был райский уголок!

Мы гуляли весь день, не чувствуя усталости. Смуглые невысокие зрители встречали нас с улыбкой. Маршрут был обозначен белыми стрелками. На пунктах адаптации нас уже ждали с маленькими карманными чип-тейлами. Нам вживляли чипы в уши, глаза, солнечное сплетение.

Птицы пели, шагалось легко и свободно. Наступил вечер. Мы спустились к конечному пункту. За большим столом сидели люди и ели суп из одинаковых бамбуковых мисок. И только тут я поняла, как голодна. И что путь почти пройден.

Мы знали, что сейчас нам вживят последний, главный, чип в голову. И тогда накормят.

Андрей сел на скамейку и закурил. Скамейка была точно та же, на которой мы сидели в Раненбурге, у знакомого художника во дворе. Я побежала искать туалет, но искать его не пришлось. Он стоял передо мной, деревянный, покосившийся, тот же, что на даче в Шереметьево, где мы познакомились.

Я вышла, хлопнув дверью, и увидела глаза мужа. И услышала: «Я никогда не соглашусь на чипирование головы. И ты тоже». И свет померк в моих глазах.